

Николай Погодин беседует с американцами

Я НЕ БУДУ читать лекций, потому что никогда этого не делал. Это будет краткий, по возможности не очень скучный рассказ о том, что представляет собой новое русское искусство, или, как принято говорить, — советское искусство. Термином «советское искусство» многие годы пугали людей на Западе, пугают и теперь, и я не скрою от вас, что цель моя побороться с химерами, потому что химеры иногда обладают мистической силой апокалипсиса. Это моя тайная цель. Но я ее прямо открываю, чтобы помочь тем, кто станет ломать голову в поисках моих тайных целей.

И еще два слова о том же. Есть в мире такая древняя вещь, как пропаганда. Она была в библейские времена, в христианские, ею занимался Магомет, подкрепляя свою пропаганду массовыми избиениями пропагандируемых. Тут ничего не поделаешь, у вас есть свои химеры и предрассудки в отношении социалистического мира. И все это я говорю к тому, что понимаю людей Запада в данном аспекте. О себе попутно замечу, что я, наверно, уеду из Америки, избавившись от некоторых предрассудков. Так налаживались контакты со времен Гаитаваты, если мы вспомним песни Лонгфелло.

Будем считать эту часть вступлением, а теперь я буду представляться как единица культурного обмена для контакта. Я драматург. Не больше. Написал много плохих вещей, но было у меня несколько таких, которые сделали мне имя. Следовательно, я буду говорить о той сфере нашей жизни, которую знаю лучше всего, — о драматической литературе и театре. Но что такое театр? Как по Еврипиду (тому, что для нас осталось от его театра) мы можем судить о греческой цивилизации, как по Чехову на Западе начинают теперь понимать причины распада старого общества России, так и по новому театру России можно увидеть, как живет молодая революционная страна. Но этого театра вы не знаете. Наши пьесы у вас не идут, как не шли вообще русские пьесы, поэтому я просто кое-что расскажу вам, чтобы поднять занавес над духовной жизнью нашего общества. Моя сценическая жизнь началась в 1929 году, когда я не знал, что она начинается. Тогда я был газетчиком, работал в «Правде» и был послан на Волгу, в тот город, которому суждено было сделаться легендарным, где строился первый в России специальный мощный тракторный завод. Америка тогда нас не признавала ни де-факто, ни де-юре. Это было чуть-чуть смешно, простите, смешно потому, что к этому времени мы уже вошли в Лигу Наций и принимали серьезное участие в международной жизни. Но было и другое. Люди из делового мира Америки вели с нами торговлю принимали наши заказы, и на стройке завода-гиганта первой пятилетки я увидел необычайную, даже романтическую фигуру инженера-строителя, который работал прямо в поле и ходил на командира в горячем бою. Это был инженер Колдер — Джек Колдер, американец.

Он ходил с двумя нашими переводчиками, отдавал приказания по планировке площадки, а я издали с изумлением следил за стилем его работы. Об американском стиле работы вам рассказывать не надо. Я на деле впервые столкнулся с практическим американизмом и был покорен им. Впрочем, не я один. Вскоре мы сдружились.

Ваш соотечественник любил выпить, в те годы — я тоже... Колдер только сожалел, что мы с ним за вечер, сидя за русской водкой, пропивали по американским ценам уйму денег. Однако мы сидели с толком. Колдер говорил. И как это ни удивительно, его разговоры давали мне веру в наше будущее, ибо он серьезно и точно приводил мне примеры экономического развития Америки. Он мне не раз говорил: «Вы

нас догоните». Вот видите, какие странные вещи случаются в жизни. Американец оказался коммунистическим пророком. Он считал, что у России, такой, как она есть, выбранный ею путь — единственно надежный. Все прочее он называл «политик», которая его не занимала.

Ведь вы нас рассматриваете теперь такими, как мы есть, без нашего прошлого. Поэтому вы иногда нас трагически не понимаете, ибо то, что для американца было нормой тридцать лет тому назад, для меня тогда было фантастикой. И прежде всего фантастичны были темпы этого нового гигантского строительства. Я был покорен этими темпами, и размахом, и смелостью двух руководителей этой стройки — директора Василия Иванова и его правой руки Джека Колдера.

Газета «Правда» напечатала мою корреспонденцию «Темп», но мне этого было мало, и я вдруг решил рассказать об этом чуде на Волге через театр — я сел писать пьесу. Я писал ее, как во сне, или, как говорят у нас, «запоём». Лица, события, а главное, дух жизни бился во мне, и я за семь дней написал эту свою первую пьесу, которую также назвал «Темп». Была она поставлена в одном из лучших театров Москвы и шла по всей стране, на сценах четырехсот театров.

Действие этой пьесы вели директор строительства и инженер-американец, который там уже именовался мистером Картером. Я не буду утомлять вас пересказом собственной пьесы. Важно понять другое...

НА ЗАПАДЕ существует теперь уже тривиальное понятие, по которому высшая духовная жизнь нашего народа рисуется в оскорбительной схеме. Кремль — директива, художник — миссия. Я начинал писать в самую сложную, трудную, противоречивую и драматичную эпоху нашей истории — в тридцатые годы. Теперь попробуйте представить себе, чем была для нас та первая пятилетка, с которой начиналось гигантское переустройство страны. Конечно, ни в какой директиве не предписали бы мне выбрать чужеземца — будь он американец, немец или кто угодно — одним из героев первой пятилетки. Я мог это сделать только по собственному выбору, по своему вдохновению, почти стихийно. Я это сделал, и эта пьеса издается до сих пор, она не забыта, она начинается мою биографию писателя.

Правда, я не ошибся в моем герое, но это вопрос идеологический. Мне лично был симпатичен Джек Колдер. Он честно делал благородное дело для моей страны. Он не презирал «русского Ивана» за его отсталость, видел его будущее. Играло здесь роль и то, что этот первый американец, которого я лично узнал, нравился мне своим характером — открытым, веселым, своей демократичностью. Не я один подмечаю эту общность национальных черт русских и подлинных американцев, не я один не могу себе представить, что наши народы постигнет самое ужасное, что может произойти между нами, — война.

Как принято говорить, все «люди доброй воли», и каждый человек в отдельности, должны сделать все от них зависящее для дела мира. Я мечтаю о хорошей, искренней дружбе с Америкой, дружбе взаимовыгодной и нужной, но это не оригинально — это мечта всех советских людей и, я уверен, большинства американцев...

Как в детстве каждого человека формируется его сознание, так и в

В сентябре 1962 года скончался Николай Погодин — большой писатель, один из основоположников советской драматургии. За последние полтора года жизни Погодин побывал во Франции, Швейцарии, Польше, Чехословакии, Америке. Это были творческие командировки, связанные с его литературной деятельностью. Во Франции переводили его «Янтарное ожерелье» и «Маленькую студентку». В Швейцарии он встретился с Чарльз Чаплином, говорил с ним об Эйнштейне, о своей будущей пьесе. В Польшу Погодин был приглашен на премьеру «Третьей патетической», а в Чехословакию — на премьеры «Кремлевских курантов» и «Аристократов». В Америку он поехал, чтобы прежде всего побывать в музее Альберта Эйнштейна в Принстоне, почувствовать атмосферу последнего, трагического периода его жизни, который Погодин стремился воссоздать в пьесе «Альберт Эйнштейн». Погодин всегда чувствовал себя за рубежом полпредом советской культуры. Перед поездкой в Америку, в мае 1962 года, он подготовил набросок своей будущей беседы с американцами, кое-что раньше не делал, будучи блестящим импровизатором и острым полемистом.

Алексей ВОЛГАРЬ,
литературный секретарь
Н. Ф. Погодина

начале моего писательского пути первая пьеса как бы определила весь мой тридцатилетний путь. И так все, что я писал сам, по собственному побуждению, шло в театре с успехом. Расскажу вам один странный случай. После войны, когда мистер Трумэн взорвал пару атомных бомб и наши отношения стали ужасными (если вспомнить, что еще час тому назад мы были вместе), я написал пьесу «Миссурийский вальс». Американские газеты (по-моему, «Нью-Йорк геральд трибюн») меня за это упрекали. Вот-де был писатель и писал хорошие и правдивые вещи, а это-де написано по заказу и пропаганда.

Был ли заказ? Да, отчасти... Но он исходил от Хиросимы и Нагасаки. Надо это понимать точно.

Но я написал правду. Я взял книгу помощника вашего генерального прокурора Мориса Меллигена «Миссурийский вальс» и по этой обвинительной книге написал пьесу. Словом, я написал лишь половину того, что известно самим американцам. А по линии пропаганды в пьесе было все честно и верно, но по линии искусства там чего-то не хватило. И потому, что в ней было не так много искусства, моя пьеса не принесла мне большой радости. Как видите, я говорю очень открыто, хоть лично мне это и не выгодно. Но этот пример нужен не мне, а вам, чтобы понять, почему тривиально и оскорбительно для нас понятие о том, будто нам приходится работать по заказу. Пусть этот пример не кажется вам слишком простым. Нет. Наоборот, сейчас мы подходим к главной мысли моих высказываний, на которую я прошу вас обратить особенное внимание.

Если бы мы работали по заказу, по указанию свыше, по директивам, как это утверждает недобросовестная пропаганда, то у нас не было бы ни новой литературы, ни нового театра и кинематографа.

Поверьте, что наши пьесы на наших сценах идут рядом с вашими американскими пьесами. Вы, конечно, ничего не знаете о таком соревновании на нашей сцене, но оно существует. Мы любим ваших мастеров. Мы не скрываем их от нашего зрителя. Другое дело, что мы выбираем. Артур Миллер, к примеру, достоин, чтобы его выбрали. Мне кажется, что трудно отрицать тот общеизвестный факт в мировой культу-

ре текущего века, что Россия является родиной могучего театра. Самая глухая провинция у нас всегда ставила классику. По-моему, мы занимаем первое место по постановкам Шекспира. Не так давно в Канаду на шекспировские праздники выезжал самый молодой Гамлет в мире — Михаил Козаков, игравший эту роль в Москве. Ему не было 30 лет. Я с достаточным уважением отношусь к моим слушателям, чтобы говорить серьезно, ответственно и надеяться, что они поймут меня. Вообразите положение новых современных драматургов в нашем театре рядом с Шекспиром, если бы они писали плоские, лишенные жизненности, лишённые света искусства, агитационные изобретения.

Другое дело — идеология, мировоззрение, взгляды на жизнь. Мы просто пишем о чем-то другом, что может оказаться непонятным или даже враждебным кому-то из вас. Здесь ничего не поделаешь.

Когда Уэллс беседовал с Лениным, — а Уэллс был глубоким умом, предсказавшим, кстати сказать, атомную бомбу, — то ему казалось, что Ленин занимается обычной красной пропагандой. О чем шла речь? Об электрификации России. Только всего. Но Уэллс, если уж называть вещи своими именами, не верил тому, что говорил Ленин.

Пользуясь спасительным юмором, я хочу сказать, что не буду вас мучить марксизмом, потому что я сам никакой не теоретик. Но как драматург я понимаю Уэллса и тем более понимаю, что писал сцену встречи Уэллса с Лениным в пьесе, именуемой «Кремлевские куранты». Здесь идеология. Эта старая, обветшавшая, железная идеология англичанина мешала Уэллсу не только поверить Ленину, но как-то понять его. И все, что говорил Ленин Уэллсу, десять и сто раз сбывалось, а впечатления громадного писателя, что все это было лишь пропагандой, увы, звучат наивно, ограниченно, смешно...

О ЧЕМ же мы пишем и что за пьесы идут на сценах нашего театра? В этом сезоне известный режиссер Николай Охлопков с успехом осуществил грандиозную постановку «Меден» Еврипида. Ее играют на огромной площадке Концертного зала имени Чайковского, с полным симфоническим оркестром, вокальным хором и безмолвным хором, напоминающим хор греческий... Словом, это большое событие. Но что же случилось попутно? Выходя с этого представления, зрители полушутя-полусерьезно говорят: «Современная пьеса». Мысль огромная. Прошли тысячелетия, но театр, в котором человек был и останется навеки альфой и омегой всей его сущности, всей его силы, всей его красоты, этот театр мягко и непринужденно переключается с театром современности...

Недавно я прочитал на русском языке роман Уильяма Фолкнера «Особняк». На меня его роман произвел огромное впечатление. В этом романе, в его глубинах где-то бродит Достоевский, в нем видна классическая традиция общего порядка, и все это хорошо, потому что воплощено своеобразным способом. Здесь особенное зрение художника, который видит современный мир в размытом изображении. Мне кажется, он почти не верит тому, что видит. Мне, повторю, очень нравится этот писатель, но речь тут о другом. Читая его трудные страницы, иногда даже раздражаясь его художественным шифром, я все время думал, что вот мы разные люди и живем по разным сторо-

нам земного шара, — в буквальном и социальном смысле — и по-разному смотрим на мир и на человека в этом мире, но есть что-то, что нас роднит и делает поэтом мучительно близкими друг другу. Что же это? Человек! Конкретнее — любовь к нему, точнее — беспокойная, святая, великая мечта сделать его лучше. Может быть, лично Фолкнер этого не хочет, но в искусстве часто субъективное намерение оказывается жалким и беспомощным перед силой таланта художника. Так, Лев Толстой в романе «Анна Каренина» задумал одно, а написал другое. Хотел или не хотел Фолкнер добра людям, но художественный образ его Минка — это олицетворенный ужас. Иначе я не могу его назвать. Не может, не должен быть таким человек. Коротко говоря, читая этот роман Фолкнера, я думал: мы вместе. Я не только не хочу, чтобы в нашей стране были люди, подобные его ужасающим лицам. Я всю свою жизнь всеми моими произведениями борюсь за нового, благородного, высокого своей гармонической личностью человека.

Конечно, у нас свои сюжеты, потому что у нас своя жизнь. Мир, который вот уж скоро столетия как живет без капитализма, видимо, родил свои собственные темы и сюжеты. Основная наша тема — это проблема формирования нового человека с коммунистическими взглядами, поступками, характером. Коммунистический характер. Что это такое? Возможен ли человек с коммунистическим характером? Да, возможен. Более того, он существует. Если бы его не существовало, как же о нем было писать, ведь не существовало бы самого этого мира, который и у вас называют коммунистическим. Но это человек, а не экземпляр какого-то неизвестного сорта людей, не экспонат чего-то неслыханного, недоступного, сверхъестественного. Он настоящий, в сущности, обычный, что я не берусь делать его портрет. В мире идет соревнование между индивидуализмом и коллективизмом, — говорю упрощенно. Отсюда и характеры. У вас много пикутов о подавлении личности, даже о рабстве в мире коллективизма. Не следует заблуждаться относительно коммунистического характера, представляя его себе бедным, лишенным свободной воли, пассивным, податливым.

Углублять эту тему не хочу. Не хочу кого-нибудь задеть или обидеть, тем более устраивать спор. К тому же углублять вопрос о новой, действительно складывающейся, действительно существующей коммунистической личности — значит неизбежно пропагандировать нечто коммунистическое.

А я плохой пропагандист. Я пишу жизнь и как сценический писатель занимаюсь больше проблемой переустройства этой жизни.

Драматургия — это всегда неблагоприятное или наоборот. Поэтому наши сюжеты строятся на столкновениях дурного и хорошего, передового и отсталого, нового или еще нарождающегося со старым, отмирающим.

Театр всюду театр, и зритель всюду зритель. И если он платит деньги, то он хочет получить удовольствие, которое ему приносит слезы и смех в театре. Наш зритель больше любит комедийный жанр, предпочитая его трагическому. Вторая мировая война, фашисты принесли столько горя нашему народу, что вот уже пятнадцать с лишним лет прошло после войны, а душевные раны еще не зажили.

В заключение хочу отметить такое совпадение. Я уже говорил, что первая моя пьеса была об американце Джеке Колдере, а пьеса, над которой я сейчас работаю с большим увлечением и воодушевлением, также об американце — Альберте Эйнштейне. Главная моя цель — это реабилитировать великого ученого в связи с клеветой, будто он является прототипом термоядерной войны.

(АПН)